

ВСТРЕЧИ С УЛНОВОЙ

Сорок дней назад не стало великой балерины XX века

Независимая газета. - 1998. - 30 апр. - с. 7

Татьяна Проскурникова

СЧАСТЛИВЫЙ случай свел меня с Галиной Сергеевной в апреле 1976 г. в Брюсселе, куда она приехала поближе познакомиться с деятельностью школы «Мудра», основанной в 70-м Морисом Бежаром. Я же, по поручению Министерства культуры, смотрела спектакли брюссельских драматических театров для предполагаемых гастролей в СССР. К великому сожалению, очень плотная программа встреч и посещения театров не позволила мне походить вместе с Галиной Сергеевной в «Мудра». Но в течение дня мы успевали встретиться в холле гостиницы и немножко поговорить об увиденном. Потом, по приглашению тогдашнего нашего посла в Бельгии С.К. Романовского, выступали в посольстве. Естественно, мое выступление носило чисто утилитарный характер: помочь соотечественникам сориентироваться в богатой культурной событиями жизни Брюсселя. Галину Сергеевну спрашивали главным образом о балете Большого театра, о его молодых звездах, о новых постановках и ближайших планах.

Меня поразила ее открытость и доброжелательность, внимание к любому, даже самому примитивному вопросу. Прекрасно сохранивая дистанцию между собой и аудиторией, она внешне очень легко шла на контакт с ней и говорила о вещах существенных. Не имея привычки ничего записывать (кроме спектаклей), я помню лишь два «сюжета». Говоря о молодых танцовщиках Большого, Галина Сергеевна твердо и убедительно излагала свою точку зрения, подчеркивая, что в творчестве внутренняя наполненность не менее важна, чем техническое совершенство, и что любой художник, в том числе и танцовщик, должен впитывать в себя окружающий мир и подпитываться множеством впечатлений от других видов искусства. Тот, кто этого не сознает, быстро сходит со сцены. Отвечая на вопрос о том, как она оценивает балеты Бежара, Галина Сергеевна кратко рассказала, в чем коренное отличие его хореографии от классической традиции, о том, какие неожиданные плоды приносит скрещение в его балетах различных национальных школ танца, как интересна и оригинальна методика обучения в «Мудре». Для Галины Сергеевны было очевидно, что наши танцовщики, воспитанные в классической традиции, не смогут, за редким исключением, быстро войти в хореографические замыслы Бежара. Тогда существовал проект пригласить его в Большой для постановки, но Галине Сергеевне казалось, что было бы

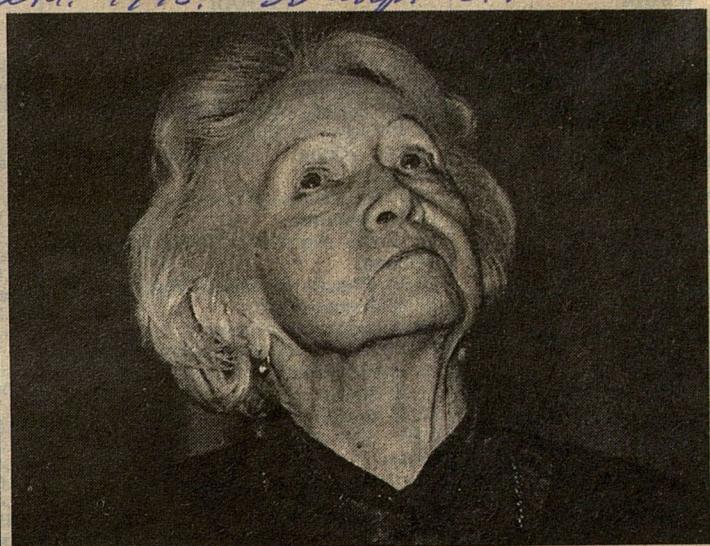

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

продуктивнее сначала пригласить Бежара с его труппой «Балет XX века», чтобы профессио налы и публика смогли оценить в полной мере его спектакли. А уж потом переходить к иным формам сотрудничества с Бежаром. (Гастроли труппы «Балет XX века» состоялись в 1978-м и прошли с триумфом.)

Нам подарили по большому букету прекрасных роз. Несмотря на рекомендации Галины Сергеевны, как их сохранить, я сгубила свой сразу же. Она привезла свой в первозданном виде в Москву. Можно себе представить, сколько таких букетов было в ее жизни!

Единственный наш совместный выход в театр был весьма торжественным. Мы были приглашены на гала-спектакль в Королевский оперный театр, устраиваемый в честь двадцатипятилетия правления короля Бодуэна I. Сраженная элегантностью Галины Сергеевны, я единственный раз за границей отправилась в парикмахерскую (неожиданно хлынувший дождь тут же вернулся моим волосам обычный вид). Мы сидели в одной из лож сверкающего зала театра «Ля Моннэ», и я вполне комфортно чувствовала себя в роли фрейлины при королеве: столь очевидным для меня было величие моей спутницы. Гала-спектакль состоял из балетных миниатюр, поставленных Морисом Бежаром на музыку разных композиторов и на фольклорную музыку различных национальных культур (с преобладанием музыки Востока). Самого Бежара в тот вечер не было, так как он гастролировал в Париже с последней своей постановкой, балетом «Наш Фауст». Когда представление в «Ля Моннэ» закончилось, его директор, знаменитый Морис Гюисман, предложил нам пройти за кулисы. Спектакль очень понравился Галине Серге-

евне, но она отнекивалась, Гюисман настоял, и пока мы шли на сцену, Галина Сергеевна тихо сказала мне, что вот сейчас танцовщикам Бежара придется долго объяснять, кто она такая. Мы зашли за занавес, все участники спектакля были еще на помосте. Гюисман сказал, что их приглашают благодарить Галину Уланову (хорошо помню, что он не добавил к имени никаких определений и эпитетов). Один из солистов подошел к Галине Сергеевне, упал на колено и молча поцеловал край ее длинного платья. Остальные долго аплодировали. Было заметно, что Галина Сергеевна очень тронута.

Мы проговорили весь полет от Брюсселя до Москвы, пересекая с одной темы на другую. Впервые я услышала из уст Улановой сожаления о том, что перед ней так поздно открылся мир и что мир узнал о ней на излете ее карьеры; о том, сколько интересного происходит в мире танца, а ей уже никогда ничего этого не становиться. Но больше Галина Сергеевна говорила о своих любимцах-животных, о прожившем у нее много лет верном друге пуделе.

В моей семье Уланову боготворили. Мама видела ее на сцене Большого во всех партиях, которые она танцевала. На мою долю досталась лишь «Шопениана». Те пять дней в Брюсселе я прекрасно сознавала, что судьба сделала мне бесценный подарок. Сознав это и сейчас, когда мы простились с Галиной Сергеевной. После ее смерти много пишут о ее одиночестве. Тогда, в 1976-м, мне показалось, что это – естественное для Галины Сергеевны состояние, дающее ей определенную внутреннюю свободу, независимо от того, есть ли кто-то с ней рядом. Вероятно, великий Художник больше страдает от отсутствия одиночества.